

Дом О и Аа гудел, полнясь басовитыми голосами жрецов. Массивные каменные колонны и каменные Боги высотой в двадцать футов, казалось, дрожали от этого звука, подобно тому как валун в пустыне дрожит в жаркий полдень.

Престол Ястреба вынесли из хранилища, водрузили между золотой колонной О и черной колонной Аа, и на него воссел Царь. Лицо его было смуглым, как у крестьянина, а в коротко подстриженной черной бороде мелькала седина. Вместо обычной диадемы с Оком Гду посредине Царь был увенчан величественным головным убором в форме ястреба, инкрустированным осколками лазурита. Он сидел неподвижно, подобно одному из нависавших над ним каменных Богов, но даже в таком положении казался разгневанным и нетерпеливым.

За колонной О безмолвно стояли в ряд жрецы этого Бога, облаченные в золотые одежды, а за колонной Аа

точно так же выстроились жрецы Богини, но уже в черном облачении. Здание гудело по воле жрецов Бога-ястреба Гду: стоя перед престолом, они пели Великий гимн во имя обновления царской души. Остальную часть дома О и Аа наводнили жрецы других Малых Богов, и все они хранили молчание. Придворная знать наблюдала за происходящим из боковых нефов.

Позади престола, повернувшись к нему спиной, стоял Хранитель Скипетров и следил за тонкой нитью света, скользившей по узорчатой каменной кладке алтаря. Хранитель ждал того мгновения полудня, когда О войдет в полную силу, а Аа, наоборот, ослабеет, ведь именно тогда можно подать сигнал к жертвоприношению Голубого Ястреба, чья душа была призвана обновить душу Царя. Избранник Аа уже выступил вперед и склонился над черной каменной чашей, куда должна была стекать кровь ястреба; он взмахивал руками и шептал гимны Аа, благословляя чашу. Лицо жреца скрывалось под капюшоном мантии, а руки были бледнее самого мелкого песка, ибо солнечный свет ни разу не касался его плоти с тех пор, как еще ребенком его избрали для служения Аа.

В первом ряду жрецов Гду стояли мальчики, отобранные для этого Бога. Губы их двигались в такт волнообразным фразам Великого гимна, но мальчики только шептали слова, запоминая их так, как обычно запоминают гимны. Великие гимны были проще большинства других, поскольку состояли главным образом из историй. Этот гимн повествовал о том, как много лет назад, еще до дней Мудрых, Гду пролетал над рекой, а О шутки ради пустил в него золотую стрелу. (То были времена юности Богов, когда пустыня зеленела, и Аа, желанная

гостья в домах людей, шествовала при свете дня.) Стрелы О не знают промаха, а посему, как он и замыслил, стрела сбила украшенный драгоценностями плюмаж с чела Гду. Разъяренный Гду взмыл вверх, чтобы напасть на О в его золотой башне, но даже Гду было не под силу подняться так высоко. Когда же он принялся искать свой плюмаж, то не смог его найти, так как О повелел ветру унести его прочь.

В сумерках Саба крадучись шел вдоль реки,
Саба, убийца, первый из Царей,
Отцовская кровь запеклась на его мече.
Саба затаился в зарослях тростника.
Он слышал, как мимо проехали братья,
требуя его смерти.
Стук конских копыт затих вдалеке.
Вот он, плюмаж Гду, сверкающий меж тростников.
Огромный, как пальмовый лист.
«Саба, убийца, отнеси меня Гду».

Четвертым в ряду шепчущих мальчиков стоял некто по имени Трон. С виду он мало отличался от остальных — разве что был худощавее и смуглее прочих, но это все, что можно о нем сказать. Все мальчики были черноволосы, коротко стрижены и облачены в грубые голубые туники, как и подобает тем, кто избран для служения Гду. Все они сосредоточенно смотрели вперед, и только краем глаза Трон мог увидеть руки Избранника Аа, плывущие, точно бледные рыбы, над чашей для крови. Краем другого глаза мальчик заметил, как сияющий головной убор Царя сверкнул в полумраке

колонн. Прямо перед Троном, покачиваясь на своем на-
сесте, сидел Голубой Ястреб, и лишь несколько минут
отделяли его от смерти.

В прошлом году во время ритуала Обновления Трон
стоял во втором ряду, ближе к правому краю. Тогда это
было просто еще одно жертвоприношение, совершенное
во имя того, чтобы Царь оставался в живых на протя-
жении девятого года своего правления. Все мысли Тро-
на были заняты тем, чтобы не ошибиться, шепча слова
гимна, поэтому он не запомнил, как выглядел прежний
Голубой Ястреб. На сей раз все было иначе.

Трон пылливо уставился на птицу, разглядывая ее
с мрачной напряженностью. Он пришел в Дом О и Аа
в состоянии трепетного возбуждения, уверенный, что
Боги заговорят с ним. Они ведь послали ему столь яв-
ные предзнаменования: видение, перо, белый Камень
Козерога. Трона еще ни разу не назначали Козерогом,
хотя другие мальчики уже трижды, а то и четырежды
находили белый камень запеченным в хлебе, который
подавали на завтрак. Трон давно пообещал себе: если
камень достанется ему, он улучит момент затишья во
время одного из ритуалов да и пройдетя колесом по
всему центральному проходу от алтаря до дверей. Но
это случилось в день Обновления, и Трон увидел Гду
ночью и обнаружил перо в своей чаше для подношений.
И теперь, чувствуя, как по коже пробегают мурашки, он
ждал, когда Боги скажут свое слово.

Ястреб покачивался в самом центре поля его зрения.
Совсем не такую картину надеялся увидеть Трон. Ему
доводилось иметь дело с маленькими коричневыми бо-
лотными лунями, которых использовали для обучения

мальчиков охотничьим премудростям; видал он и ястребов покрупнее, что восседали на запястьях вельмож. Одним словом, Трон отлично представлял себе истинный взгляд ястребиного ока — твердый и яркий янтарь, столь гордый, что способен не мигая смотреть на солнце.

Но этот ястреб смотрел с тоской и отчаянием. Его серо-голубое оперение казалось тусклым, а небесно-голубой полоске поперек крыла не хватало блеска, присущего здоровым птицам. Такой же тусклый тон имели голубые чешуйки на лапах и голубое пятно восковицы. Несколько раз птица покачнулась так, что едва не опрокинулась со своего насеста. Когда это случилось, ястреб не попытался самостоятельно выровняться, расправив крылья, но позволил привести себя в равновесие стоявшему за ним Избраннику Гду.

Саба, я смываю кровь с твоего меча.
Видишь, бронза чиста?
Твой отец невредим, он идет вдоль канала с водой.
Твои братья пируют.
Ступай сейчас, Саба, к западу от реки.
Я вручаю тебе эту землю,
Чтобы ты и твои сыновья правили там вечно.
Никто не сумеет тебя победить.
Я вдыхаю в тебя душу Голубого Ястреба,
Душу моего возлюбленного —
Ястреба, который не сядет ни на чье запястье,
Ястреба, которого нельзя приручить.

Но ястреб на насесте был и приручен, и побежден.

«Да он же болен», — подумал Трон. Мальчик перестал шептать слова Великого гимна и мысленно припомнил малый гимн, связанный с недугами ястребов. Это был самый первый малый гимн, который надлежало выучить мальчикам, избранным для служения Гду, ибо в нем соединялись две премудрости Бога — ястребиная охота и исцеление, но сейчас от этого гимна не было никакого проку. Трон понял только одно: птица больна, она забыла об унаследованных ею свирепости и дикости, что должны были отразиться в ее оке, ясном, как драгоценный камень, и в оперении, где каждое перышко знало свое место и было гладким, точно латы.

«Они дают Царю больную душу», — подумал Трон.

Словно желая убедиться, что гордость и ярость все еще живы, он позволил себе мельком глянуть в ту сторону, где находился Царь.

Меж тем Царь тоже смотрел на ястреба. Едва заметное движение глазных яблок Трона, вероятно, привлекло его внимание. Мгновение они пристально всматривались друг в друга, как будто линии их взглядов сошлись в единый, острый словно копье луч.

В глазах Царя Трон разглядел гнев, и отвращение, и какую-то усталость. А что же увидел в глазах Трона Царь? Уголки монаршего рта внезапно дернулись, и во взгляде владыки блеснул огонек насмешливого любопытства. Если бы Царь не сидел так неподвижно, стараясь, чтобы высокий головной убор ровно держался над колонной его шеи, может статься, он бы даже передернул плечами.

«Юный жрец, — читалось во взгляде Царя, — и что же?..»

Потом он отвернулся.

В когтях ястреба — копьё Царя.
В оке ястреба — суд Царя.
В крови ястреба — храбрость Царя.
В самом маленьком перышке ястреба — душа Царя.
В перышке — душа человека.

Золотая полоска света украдкой скользнула по алтарю. Хранитель Скипетров почти незаметно подал знак. Облаченный в черное жрец, именуемый Устами Безмолвия, дотронулся до плеча Избранника Аа, и тогда тот извлек из-за чаши обсидиановый нож в форме листа и выпрямился; лицо его по-прежнему скрывал капюшон. Избранник Гду ослабил легкий ремень, которым лапа ястреба была привязана к насесту. Ритм Великого гимна изменился, подобно тому как меняется ритм волн, чувствующих приближение берега. Трон пристально вгляделся в ястреба, вложив в этот взгляд всю душу. И Боги взирали на Трона, устремив свой могучий дух в ту единственную точку пространства, где стоял мальчик. Они говорили в его сердце.

Трон перестал ощущать мурашки на коже. Он вынул белый Камень Козерога из сумки на своей тунике и повесил его на шнурок вокруг шеи, чтобы камень оказался ровно посередине груди. Теперь он на весь день стал Козерогом, священным, словно Бог. Что бы он ни сделал сегодня, его нельзя было ни тронуть, ни наказать. Он шагнул вперед. Избранник Гду посмотрел вниз — губы его уже приготовились прошептать злобный приказ; однако, увидев Камень Козерога, он отвернулся, подхватывая ритм Великого гимна, как будто и не останавливался.

Трон сделал еще шаг, решительно снял ястреба с на-сеста и усадил к себе на запястье. На мгновение пти-ца вонзила в мальчика когти, из-за чего на его обна-женной смуглой коже выступили две капельки крови, но жрецы привыкли к легкой боли почти так же, как к неподвижности и ожиданию, и потому Трон стерпел это не моргнув глазом. Он склонился перед Избранни-ком О и Избранником Аа, перед неподвижной спиной Хранителя Скипетров и, наконец, перед своим господи-ном, Избранником Гду; затем он повернулся и скользя-щей походкой жреца направился по главному проходу между поющими жрецами Гду, а потом между стоящи-ми ряд за рядом в своих разноцветных одеяниях жреца-ми других Малых Богов. Здесь были жрецы Тан, боги-ни Великой реки, госпожи урожая, Алаана, властителя гор и подземного мира, Содалы, помощника пастухов, Гдаала, который приводит в движение сонные дюны пустыни и указывает охотнику путь домой, Сину, вла-дыки войны, и прочих. В последнем ряду стояли оде-тые в белое Сыновья Мудрых.

Ни одна пара глаз даже мельком не взглянула на Тро-на. Возможно, все они были так же слепы, как незрячий Избранник Сину, стоявший перед облаченными в крас-ное жрецами Бога войны. Трон проскользнул между ними туда, где за ослепительным прямоугольником Две-рей О и Аа открывался залитый ярким светом полуден-ного солнца Внутренний двор Храма.

А за спиной Трона, незадолго до того как мальчик ока-зался у дверей, Хранитель Скипетров широко взмахнул обеими руками, Избранник Аа изобразил принесение яст-реба в жертву, а Избранник Гду обмакнул указательный

палец в чашу и невидимой кровью начертал символ Гду на челе Царя. Жрецы по-прежнему пели, продолжая ритуал Обновления, словно ничто им не помешало, и символ отчетливо выделялся на смуглой коже. Бормотание вельмож доносилось из сумрака боковых нефов. Взгляд Царя был устремлен в центральный проход на птицу и ребенка, темнеющих и уменьшающихся на фоне ослепительно-ярких дверей Храма. Губы Царя сложились в тонкую улыбку поражения.

Трон понес ястреба навстречу полуденному зною пустыни.